
**АГЕНОСОВ В.В. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ И ВОСПОМИНАНИЯ. —
М.: АИРО-XXI, 2012.**

Среди литературоведческих изданий особую, базовую гуманитарную ценность имеют труды, обращенные к основным вопросам бытия, законам развития истории, общества, к тому, что помогает человеку познать себя, мир, осознать процессы формирования национального самосознания. Объемное рецензируемое издание принадлежит к таким работам. В издательской аннотации сообщается: книга «включает в себя наиболее существенные работы ученого, созданные им почти за 50 лет научно-педагогической деятельности, и свидетельствует о широте интересов и взглядов автора. Читатель найдет здесь размышления автора о литературе XX века, о генезисе и проблемах философского романа, об исторической теме в литературе, о писателях русского зарубежья, в том числе о литературе послевоенной эмиграции, первооткрывателем которой он является. Создатель ряда школьных и вузовских учебников, автор предлагает свой взгляд на их содержание и структуру. Завершают книгу воспоминания об учителях, учениках и друзьях». Учитывая текстовый и структурный характер издания, рецензенты уже дали определение агеносовскому исследовательскому методу: «классическое литературоведение о классиках», «стереоскопическое литературоведение» (1).

Специалисту-литературоведу в книге московского профессора интересно все. В рецензии остановимся лишь на некоторых концептуальных вопросах, на наш взгляд, принципиальных для понимания истории русской литературы или отдельных ее творческих индивидуальностей, вслед за автором поразмышляю о сугубо специфических реалиях национальной художественной словесности.

Профессор В.В. Агеносов — яркий представитель нашего немногочисленного поколения исследователей-гуманитариев, своим рождением связанных с Великой Отечественной войной и как специалисты формировавшихся под влиянием равнодействующих полярных идеологических силовых доминант. При многолетнем общении с автором и по прочтении рецензируемого издания ощущаешь высокую, даже возвышенную степень саморефлексии ученого, когда он, к примеру, в слове «От автора» пишет: «Во все времена я был искренен и честен», «никогда не говорил и не писал того, что не думал» (2. С. 7). Подобное признание граничит с чувством ответственности автора перед своим читателем — не очень распространенная ныне личностная черта профессионала. Ее отмечает и А. Ермакова, когда в своей рецензии на книгу Агеносова акцентирует внимание на честности взгляда автора, так как он, взгляд, «защищен от модных веяний и конъюнктурных соображений».

Собранные под одной обложкой работы, создававшиеся на протяжении почти полувека, — это не только демонстрация конкретных авторских открытий, гипотез, оценок, но и своеобразная кардиограмма работы творческой мысли, наглядная картина ее формирования и движения в один из сложнейших периодов отечественной истории. Рецензенту предстоит понять не только концепцию издания, его структуры, но и агеносовскую концепцию развития литературы, что при широте и многозначности проблематики, богатстве информации книги сделать непросто.

В.В. Агеносов — один из ведущих специалистов в области изучения философской романистики. Этой проблеме посвящена его докторская диссертация. Он автор монографии «Генезис философского романа» (М., 1986), где прослеживается зарождение и развитие метажанра философской прозы от «Диалогов» Платона к романам Сирано де Бержерака, Вольтера и Дидро, а типология русского философского романа построена на «Русских ночах» В. Одоевского, романах Н. Чернышевского и Ф. Достоевского. Широко востребованы в литературоведческих кругах и монографии «Творчество М. Пришвина и советский философский роман» (М., 1988) и «Советский философский роман» (М., 1989), где дается определение жанра философского романа как особой содержательно-формальной структуры. В рецензируемую книгу (с. 97—268) включены, пожалуй, наиболее концептуальные и самые яркие индивидуально-творческие разделы фундаментальной философской литературоведческой эпопеи авторитетного историка литературы.

Бесспорно первопроходческий характер имеет исследование «К проблеме изучения литературы Ди-Пи и второй волны русской эмиграции». Статья построена в основном на результатах работы автора в архивах пражской Славянской библиотеки, с материалами периодической коллекции Тейлорианской библиотеки в Оксфорде, а также с периодическими изданиями Калифорнийского (Берклей) и Стэндфордского университетов, изученных автором в конце 1990-х гг. Подводя итог анализу этого пласта русской поэзии и истории его изучения, В. Агеносов приходит к выводу: «пока наука находится на стадии сбора материалов», «предстоит изучить и опубликовать на родине многие представляющие ценность произведения, вышедшие как отдельными изданиями на Западе, так и на страницах периодических изданий, все еще недоступных массовому исследователю. Можно предполагать, что в ближайшие годы будет выполняться эта задача, появятся статьи и исследования творчества отдельных писателей, будет создан словарь или энциклопедия по типу «Литературной энциклопедии русского зарубежья 1920—1940». «Необходимо дальнейшее исследование находящихся в архивах США и ФРГ материалов о деятельности русских издательств, журналов, альманахов, — пишет автор. — Ученым предстоит сопоставить литературный процесс 1946—1956 годов в метрополии и диаспоре. И лишь только после этого станет возможным как создание аналитической истории литературы Ди-Пи и второй русской эмиграции, так и единой академической истории русской литературы 40—50-х годов» (с. 460—461). И это конкретное продуктивное предложение специалиста на ближайшую историко-литературную перспективу.

Одной из самых захватывающих внимание читателя работ, включенных в «Избранные труды», воспринимается статья «М. Шолохов: трудная биография (без мифов и легенд)». В. Агеносов уточняет: «Предлагаемый материал не содержит в себе ничего нового: в его основу положены известные факты (в книге есть ссылка на книги В.О. Осипова и составленную Н.Т. Кузнецовой летопись жизни и творчества писателя. — Л.П.). Мое здесь только их толкование. Это **мой** Шолохов...» (с. 37). Автор излагает свое отношение к некоторым фактам личной жизни, процессу формирования гражданской позиции, ко многим фактам творческой биографии писателя, в том числе к вопросу об авторстве «Тихого Дона», об отноше-

ниях Шолохова к Солженицыну, А. Платонову, Пастернаку, Сталину, Брежневу. «Говоря о Шолохове, — заключает В.В. Агеносов, — мы говорим, в первую очередь, о большом художнике, мастере слова, радетеле русского народа. Шолохов-человек похож на своего героя максималиста Григория Мелехова, в поступках и словах которого проявлялись вместе со стремлением к высокому идеалу, и горячность, и чрезмерная эмоциональность, способность любить, дружить и явная несправедливость. Широко был этот русский человек» (с. 60). Компактная творческая биография писателя написана с любовью к нему.

Информационно-новаторским содержанием отмечена публикация «Писем И.А. и В.Н. Буниных Л.Д. Ржевскому» с характерным бунинским эпиграфом «Бог оставит тайну — память обо мне». Ее предваряет подробный комментарий Агеносова к переписке Бунина с писателем, сотрудником, а потом главным редактором журнала «Грани». Кроме почти невыносимых по резкости оценок бунинских характеристик Маяковского, Есенина, Блока, Берберовой, Ремизова, оценок, с которыми беспощадно полемизировал адресат, в пяти письмах художника 1951—1953 гг. содержится и любопытная информация о том, что Бунин был ярким противником реформирования русского языка, а в связи с отнесением критикой его, Бунина, к реалистам замечал: «называть меня „реалистом“ — значить или не знать меня, или ничего не понимать в моих крайне разнообразных писаниях в прозе и стихах» (с. 527—533).

С большим интересом читается статья «Гоголь в русской литературе XX столетия», где автор приходит к выводу: «можно с уверенностью говорить, что гоголевская традиция живет в современном литературном процессе и — более того — играет в нем первостепенную роль наряду с традицией наиболее востребованного современностью гоголевского ученика и продолжателя Ф. Достоевского» (с. 36). «Петербург» А. Белого и «Вий», «Невский проспект», «Портрет»; «Конармия» И. Бабеля, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и «Тарас Бульба»; «Город Градов» А. Платонова и «Ревизор», «Мертвые души». Произведения М. Булгакова, Вен. Ерофеева, В. Астафьева, А. Вампилова, Н. Коляды и традиции Гоголя тонко, с использованием целой системы аргументов, проанализированы В. Агеносовым. Однако трудно согласиться с утверждением, что «гоголевская традиция сатирического изображения российской действительности» находит продолжение в платоновской повести «Город Градов» или в других произведениях писателя аналогичного направления. Вероятно, сегодня нам все же следует учитывать широту подхода и многие методологические уроки В.Г. Белинского, в том числе и его хорошо аргументированный взгляд на «Мертвые души». Русский критик одним из первых, если не первым, прочитал «Мертвые души» как произведение отнюдь не сатирическое, а совершенно особое по своей жанрово-поэтической структуре, давшее полное основание Гоголю назвать роман «поэмой». С осознанием особых достоинств «Мертвых душ», «этого великого произведения», его чрезвычайной сложности философии и поэтики, пафоса критик в рецензии 1842 г. отметил, что «Гоголь первый взглянул смело и прямо на русскую действительность, и если к этому присовокупить его глубокий юмор, его бесконечную иронию,

то ясно будет, почему ему еще долго не быть понятным и что обществу легче полюбить его, чем понять... Впрочем, мы коснулись такого предмета, которого нельзя объяснить в рецензии...», — уточнял В. Белинский. Критик еще и еще раз обращал внимание своего читателя на особый характер гоголевского романа и его особую связь с русской действительностью: «... творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстью, нервистою, кровною любовью к плодовитому зерну русской жизни... Величайшим успехом и шагом вперед считаем мы со стороны автора то, что в «Мертвых душах» везде ощущаемо и, так сказать, осязаемо проступает его субъективность» (3).

Так называемую «сатирическую» прозу Платонова, его «утопию-предупреждение», «антитоталитарный вызов», «предвидение будущего», позицию «одиночки-антигосударственника», «мертвое царство» (Е. Толстая-Сегал, В. Скобелев, М. Геллер) характеризует и, в терминологии Белинского, «преобладание субъективности», «высокий лирический пафос», которые «освежительными волнами охватывают душу читателя». К тому же в сравнении с прозой Гоголя трагический накал платоновских произведений гораздо сильнее и еще пронзительнее (4). Это иронико-трагическая, трагикомическая проза, это, вслушаемся: «Смех сквозь слезы».

Статья «Гоголь в русской литературе XX столетия», как сообщает ее автор, опубликована в Нью-Йорке в 2010 году в «Записках Русской Академической группы в США». Нам в Тамбове приятно констатировать: более ранняя публикация этого материала осуществлена в издании по материалам Международного конгресса литературоведов «Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности» (Тамбов, 2009. С. 115—128).

Располагает к дальнейшему обсуждению проблемы и включенная в рецензируемое издание заметка «“Серебряный век” как научное понятие». Все-таки вряд ли резонно расхожее и очень неопределенное в хронологии и содержании понятие «серебряный век» считать «научным понятием». Конечно, опубликованные в 1994 г. заметки В.В. Агеносова не могли включить сведения, пришедшие к читателю позднее, например материал дискуссии на страницах «Нового литературного обозрения» (2000. № 46. С. 231—254) в связи с публикацией в 1997 г. работы Омри Ронена «Серебряный век как умысел и вымысел», вскоре переведенной на русский язык (5).

В последние годы под руководством и с непосредственным авторством многих статей В.В. Агеносова написана и издана целая серия учебников: Русская литература серебряного века. М.: Про-Пресс, 1997; Русская литература XX века: Учебник для средней школы. М.: Дрофа, 1995—2013 (общий тираж около 2 млн экз., выдержал 16 изданий, переведен на китайский язык и изучается на факультетах русского языка этой страны); История русской литературы. XX век: в 2 частях. Ч. 2. Учебник для студентов-филологов / Под ред. В.В. Агеносова. М.: Дрофа, 2007; История русской литературы XX века: в 2 ч. Учебник для бакалавров / отв.

ред. В.В. Агеносов. М.: Юрайт, 2013. Ждет своего выхода и другая учебная литература. В условиях «сейсмического разлома», катастрофы тупикового современного образования бесспорный интерес представляет публикация в рецензируемой книге раздела «Учить литературе» с изложением хорошо обоснованных программных основ нового школьного учебного комплекса по русской литературе XX—XXI вв.

Пленяющим оказался для автора данной статьи, так сказать, «автобиографический текст» избранных работ — «Немного воспоминаний», который объединяет темы: «Мои учителя», «Незабываемые годы», «36 лет как один год», «Личное и не только» (с. 605—682). Вместе с многочисленными сюжетными фотографиями из личного архива ученого написанный на пределе лирического вдохновения благодарным, прожившим интереснейшую жизнь человеком этот текст, производит на читателя очень сильное впечатление, раскрывает целую эпоху, живую историю страны, жизни литератора, равнодушного, творчески сильного, влюбленного в людей и преданного раз и навсегда выбранной профессии. И подумалось: в литературоведческих трудах В.В. Агеносова зарыт его писательский талант.

По характеру материала, включенного в «Избранные труды и воспоминания», по пафосу оценок и особенностям стилистики, письма, перефразировав одно из распространенных в мировой художественной литературе жанровых обозначений, я бы назвала новую книгу В.В. Агеносова, приуроченную к его юбилею, как *Bildungsbuch* — книга о воспитании, книга об образовании, книга для профессионального и нравственного совершенствования. В ней сконцентрированы легко узнаваемые черты коллективного творческого портрета научной школы профессора В.В. Агеносова с ее профессиональными требованиями, тематическими и проблемными пристрастиями, с высотой нравственного порога. Литературоведческие штудии разделов книги В.В. Агеносова на ряду с другими, конкретными историко-литературными задачами выполняют и эту созидательную функцию. В подобном исследовательском «жанре» в наше время может работать далеко не каждый филолог.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Гербер М.* Рецензия // Новый журнал. Нью-Йорк, 2013. № 270; *Ермакова А.* Стереоскопическое литературоведение // Лит. газета. 2012. № 36.
- (2) *Агеносов В.В.* Избранные труды и воспоминания. — М.: АИРО-XXI, 2012. Далее это издание цит. с указанием страниц в тексте.
- (3) *Белинский В.Г.* Эстетика и литературная критика: в 2 т. Т. 1. — М., 1959. С. 606, 607.
- (4) Наша точка зрения по этому вопросу подробно изложена в кн.: *Полякова Л.В.* Русская литература. Индивидуально-творческий колорит. — Тамбов, 2012. С. 76—102.
- (5) О некоторых наших оценках феномена литературы серебряного века и самого понятия см.: *Полякова Л.В.* Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX—XXI веков. — Тамбов, 2007. — С. 24—35; 110—115.

Доктор филологических наук,
профессор Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина
Л.В. Полякова